

ЗАБОТИТЬСЯ О МАСТЕРСТВЕ!

Съезд писателей Бурят-Монголии

Несколько дней назад закончил работу второй съезд писателей Бурят-Монголии. С отчетным докладом о работе писательской организации республики выступил ответственный секретарь правления ССП драматург Намжил Балдан.

Бурят-монгольская литература, подчеркнул докладчик, — детище великого Октября. Своим возникновением и развитием, своими успехами она обязана мудрой политике Коммунистической партии. За двадцать лет, прошедшее после первого республиканского съезда, идейно-художественный уровень бурят-монгольской литературы заметно возрос, писательская организация окрепла. Оформились такие жанры, как драма, поэма, сатира. Впервые на бурятском языке появились крупные произведения в прозе — «Шыремиш» и «На утренней заре» Х. Намсараева, романы «Дорж», «Сын Базара» Ч. Цыдендамбаева и «Степь пропуслась» Ж. Тумунова. Совершенствовалась и расширилась круг своих тем поэзия. Выросло мастерство поэтов Ш. Нимбуева, Д. Маласона, Б. Базарона, С. Дунбаева. После Великой Отечественной войны в бурят-монгольской литературе пришли новые силы: поэты Ч. Цыденбаев, Б. Балмаев, Д. Жалсараев, Ч. Намжил, прозаики М. Толкач, Б. Мунгонов.

Заблудливый, чуждый друг и учитель писателей республики — прекрасная литература великого русского народа. Н. Балдан с благодарностью отметил большую помощь, оказанную бурят-монгольской литературе писателями В. Авдеевым, В. Замитиным, С. Шервинским и другими. Они успешно переводили на русский язык произведения бурятских авторов. Успешно преишли поэты Ц. Номтоев и Ж. Тумунов также привели много примеров плодотворного влияния и дружеской помощи русских писателей и литераторов других республик писателям Бурят-Монголии.

Серьезное внимание докладчик уделил проблеме изображения положительного героя, создания правдивого, яркого образа нашего современника. Бурят-монгольские писатели решают эту задачу плохо. У одних, например в романе М. Толкача «Большие пути», — в центре оказался не человек, а производственный процесс. Другие, особенно молодые литераторы, ушли в выдуманный мир, обратив все свое внимание на изображение личной жизни героев (рассказы в сборнике «Молдые голоса»). Некоторые литераторы закрепились в выдумке, и это особенно заметно в романе С. Кузнецова «Одной дорогой». Докладчик отметил, что многие авторы понимают сложность характера положительного героя как обязательное наличие в нем отрицательных черт. Все это говорит о том, что многие писатели республики слабо знают действительность, не всегда глубоко разбираются в происходящих в ней процессах.

Докладчик и участники прений говорили о значении фольклорного наследия и народного литературного творчества, которое продолжает развиваться и в наши дни. Серьезной ошибкой некоторых литературоведов и писателей было отрицание народности бурят-монгольского эпоса «Гэсар».

Ошибки вульгаризаторского характера свойственны и литературной критике. М. Хамаганов, например, в книге о бурят-монгольской советской литературе пользовался только белым и черным красками: одних слишком хвалил, творчество других полностью зачеркивал.

Большое внимание съезд уделил идейно-воспитательной и организационной работе

Съезд писателей Кара-Калпакии

В Нукусе состоялся третий съезд писателей Кара-Калпакии АССР. Отчетный доклад председателя правления Союза советских писателей Кара-Калпакии Х. Сейтова и оживленные прения были проникнуты не только чувством удовлетворения в связи с ростом молодой каракалпакской литературы, но, главным образом, чувством большой ответственности за ее дальнейшее развитие.

За пятнадцать лет, прошедших со времени второго съезда каракалпакских писателей, литература республики возмужала. Написан ряд новых поэтических произведений о жизни республики. Участники съезда говорили о поэмах и стихотворениях А. Давыдова, Дж. Аймураева, Н. Джалакова, А. Бегимовой и других. До второго съезда в каракалпакской литературе не было поэмы — ни одного романа, ни одной повести, ни одного сборника рассказов. Теперь, на третьем съезде, предмет творческого обсуждения стали повести Дж. Тапенова «Боевые друзья», Б. Бектиязовой «Вечное солнце», А. Бегимовой «Дочь рыбака», сборник рассказов Т. Наджидова и некоторые другие прозаические произведения. Развивается и самый молодой жанр каракалпакской литературы — драматургия.

Однако художественное мастерство каракалпакских писателей растет медленно, и хорошо, что съезд уделил этому важному вопросу много внимания. В докладе Х. Сейтова и в выступлениях Дж. Аймураева, Х. Таджмуратова, Т. Сентжанова большое место занял разговор о тематической узости и художественных недостатках современной каракалпакской прозы, о схематизме и холодной риторике, которыми

Молодые литераторы Гродненщины

ГРОДНО. (Наш корр.). Недавно здесь состоялось областное совещание литераторов. Писатели заслушали доклад члена правления ССП БССР М. Климовича «Белорусская советская литература перед третьим республиканским съездом писателей». На секциях, которыми руководили прибывшие из Минска писатели М. Климович, А. Заричный и А. Мовзан, обсуждались новые произведения гродненских поэтов, прозаиков и драматургов. Особый интерес вызвала пьеса о воспитании молодежи «Кто

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А
31 августа 1954 г. № 104

НА ЗАВОДСКОЙ ДАЧЕ

Неподалеку от места, где Десна впадает в Днепр, на пологом берегу, среди вербовой рощи, белеет полтора десятка небольших уютных домиков, крытых светлым шифером.

В прошлом году тут было еще довольно пусто, лишь изредка попадались рыбацкие шалашки. И оживало это место только по воскресеньям, когда по традиции сюда выезжали «на рыбалку» рабочие Киевского завода станков-автоматов.

В начале этого года заводской коллектив был отмечен второй премией во Всесоюзном социалистическом соревновании. Рабочие единодушно решили выделить значительную часть премиальной суммы на строительство летнего дачного поселка в давно облюбованном устье Десны.

Теперь на заводских дачах может отдыхать каждый рабочий завода. Многие выезжают сюда целыми семьями. Некоторые проводят здесь весь свой летний отпуск. Но большинство производственников приезжает на дачу, чтобы провести свой выходной день. В распоряжении дачников — свой катер, лодки для прогулок. Колхозники соседней сельхозартели снабжают отдыхающих молоком, мясом, овощами.

«Рассекая спокойную гладь воды, вверх по Десне мчится голубой катер. Первыми замечают его дачники, находящиеся на пляже: это наш! Вскоре на берегу собирается все население дачного поселка. Радужно встречают «новичков»: этим рейсом прибыли сестры «бронзового цеха» С. Бибиной и А. Радзицкой, старший мастер А. Мунтянов, Бибинов и Радзицкий приехали отдохнуть вместе со своими семьями, Мунтянов — один, но захватил с собой охотничье ружье.

«Наше полку прибыло!» — шутят на берегу.

На снимке: в дачном поселке Киевского завода станков-автоматов; старший мастер А. Мунтянов и сестры С. Бибиной и А. Радзицкой — один на рыбалку, другой в лес, на охоту.

Фото Я. Павловича

Александр ЯШИН

Алтайская пшеница

Что за пшеница! Нельзя надвинуться! Как раскустилась! Как колосится! В степь на востоке люди выходят — Светятся лица: что за пшеница! Доброй работой не грех похвалиться. Ид разворочился — не останешься. Стала молодина опять молодиться: В поле — что праздник. Как не жаридься! Девушка взглянула, песню затянула, С песней живее делю спорится! Парно-попосеу, цветет пшеница: Самое время ныне жениться! Хочется со всеми счастьем поделиться — Пусть о нем узнает наша столица, Слушай столнца, слушай родная, Какая пшеница растет на Алтае! Нашей пшеницей и солнце гордится: Вечер настанет — не хочет садиться. Вечер настанет — людям не спится: Все ли готово? Скоро косовица! Хороша пшеница! Будут от хлеба амбары ломиться.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«КУЛЬТУРА — ЭТО НА ДРУГОМ БЕРЕГУ...»

Под таким заголовком 20 июля была напечатана корреспонденция, в которой подверглась критике состояние культурно-бытового строительства в правобережной части Красноярска. На днях редакция получила ответ Красноярского горисполкома, который обсудил корреспонденцию и вынес в связи с ней специальное решение. Принимается ряд мер для улучшения сообщения между правым берегом и центром города. Будет упрощено движение через Ленинский район открыт новый маршрут. Время развозки понтоного моста установлено таким образом, чтобы дать возможность жителям правобережья посещать театры, кино и клубы левобережной части города. Движение рабочих поездов согласовано с временем работы городских учреждений. В новых жилых домах правобережья в этом году откроются 2 книжных магазина и 3 библиотеки.

В ответе Красноярского горисполкома указано на некоторые неточности, содержащиеся в корреспонденции: разработка проектного задания на строительство трамвайной линии сейчас только заканчивается — поэтому строительство не начато. Сооружение водопровода и канализации в правобережье уже ведется.

Далее в ответе исполкома сказано: «Считая выступление «Литературной газеты» привлечением и принятием со своей стороны превентивные меры к устранению указанных в корреспонденции недостатков, исполком Красноярского горсовета сообщает, что ему необходима помощь в решении некоторых неотложных вопросов.

Так, нужна энергичная поддержка Министерства строительства и Министерства электростанций СССР, чтобы строительство клубов в поселках «Строитель», на заводе «Сибгаз» и РайТЭЦ было закончено в этом году.

Министерство коммунального хозяйства РСФСР следует ускорить утверждение проекта строительства трамвайной линии.

НАШИ СТАРИКИ

Благородны и плодотворны усилия советских ученых в борьбе за prolongation жизни, против преждевременной старости. Но все же она пока не минует человека.

Даже для того, кто никогда не обращался к врачу, за всю жизнь не выкурив ни одной папиросы и каждое утро делал зарядку и обливание холодной водой, наступит пора, когда в трамвае девушки прудрительно вскакивают перед ним с мест, когда перед дождем начинают ныть ноги, когда просыпаются все до поры до времени таившиеся недуги, а дети на улицах начинают уже величать не «дядя», а «дедушка».

Наступает старость. Старость была проклятием для человека в царской России. Она и сейчас проклятием для миллионов тружеников в капиталистических странах. Не так давно «Правда» перепечатала из американской газеты «Фокс» письмо жителя города Линколна. В этом письме говорилось: «В наши дни человеческий век ограничен 45 годами. Если женщины переживали за 35 лет, то найти ей работу очень трудно, а в 50 лет считается даже чудовищным просить где-либо работу».

В нашей стране миллионы пожилых людей трудятся вместе со своими более молодыми товарищами на колхозных полях, на заводах, в учреждениях, и никто из них не боится, что его уволит с работы из-за того только, что у него теперь меньше сил. Старые люди окружены у нас почетом и вниманием. Народ благодарен им за то, что они вынесли на своих плечах первые, самые трудные годы жизни молодых советских республик, за их героический труд на производстве сейчас. Благодарен и тем, кто ведет хлопотливую работу по домашнему хозяйству и уходу за детьми. Ценят несомненно энергию души и сердца наших стариков.

И все же, можно ли сказать, что каждый из нас делает все от него зависящее, чтобы старость этих людей была здоровой и радостной?

Не так давно редакция получила из Белоруссии письмо от пенсионера Петропавловского уезу 70 лет. Он прожил большую трудовую жизнь. В прошлом Сергей Николаевич — журналист, военный, юрист, сотрудник ВСХВ, работал по общественной линии библиотекарем и руководителем драматического кружка. И вот на шестидесятом шестом году жизни уволился с работы, перешел на пенсию и поселился в деревне, в родных местах. Сергей Николаевич, как он сам пишет, «вдов, беден, одинок». Материально он обеспечен, живет у старой тетки-колхозницы, как говорит, «на покое». Но вот этот покой и омрачает его старость, он-то и заставляет Петропавловского обратиться в редакцию газеты.

«С тех пор», — пишет Сергей Николаевич, — как я оставил работу, я не могу отделиться от ощущения моральной подавленности. Наверное, то же испытывают и многие другие люди, вышедшие на пенсию. Пока мы, старики, находимся в трудовом коллективе и при деле, мы не ощущаем ни нашего возраста, ни усталости. Но стоит отрываться от привычной работы, как годы начинают давить, одолевают тяжелые мысли — человек начинает, говоря фигурально, «распыляться». В одной песне есть слова: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет». Так вот я принадлежу к тем старикам, которым мало одного почетного покоя, которым нужна еще и дорога. Я хочу и могу работать. Не хочу верить, что в Белоруссии нет предприятия, которому я не мог бы принести пользу. Разве я не в состоянии работать в клубе, библиотеке?»

Человеку, который много лет работает на одном месте, привык был деятельным, очень трудно перейти к спокойной жизни. Конституция Советского Союза обеспечивает ему этот покой, закрепляет за ним право на заслуженный отдых. Пожилые люди у нас широко пользуются своими правами. Правда, многие из них не хотят совсем оставлять работу. И это естественно: когда труд — радость, когда этот труд составляет главное содержание жизни, а силы не иссякли, человеку нелегко уйти от дел.

Там, где речь идет о жизни, судьбе человека, не может быть шаблона. В каждом отдельном случае к судьбе старика, не желающего расстаться с любимой работой, нужно подойти индивидуально — в

одном случае подумать о том, чтобы подвести старого ветерана труда на работу, в другом — рационализировать технологический процесс, в третьем, — если позволяют условия работы, уменьшить для него рабочий день, в четвертом — дать лишний раз путевку в санаторий, в пятом — перевести на более легкую работу и т. п. Но главное при этом всегда помнить о том, как тяжело советскому человеку жить без труда, без друзей по труду.

Мне представляется, что в ежегодно заключаемые на предприятиях коллективные договоры обязательно надо включать специальные пункты, касающиеся улучшения условий труда и быта пожилых людей. Следует организовать диспансеризацию всех работающих на производстве стариков, периодические (обязательно на дому) врачебные осмотры для того, чтобы принять во-время необходимые меры для поддержания сопротивляемости организма наступающим недугам.

Даже в тех случаях, когда человек по состоянию здоровья принужден уйти с работы, надо постараться сохранить его в коллективе. Если старый рабочий ушел на пенсию, это не значит, что о нем могут забыть на заводе. Руководство, общественные организации должны найти тысячи способов для того, чтобы старый кадровик попрежнему чувствовал себя полезным для своего завода, чтобы сохранить у него столь важное для человека сознание нужности обществу, стране.

Я знаком с коммунистом Б., прикрепленным к партийной организации одного учреждения. Полковник в отставке, он материально хорошо обеспечен, но по состоянию здоровья и возрасту ему труден полный рабочий день.

К. часто бывает в учреждении, живо интересуется всем, что там происходит, но сотрудникам не до него — у каждого свое дело и, потопкавшись по комнатам, Б. уныло возвращается домой. Есть, однако, когда К. становится сразу всем нужен, — это дни подготовки к выборам в Советы депутатов трудящихся. По традиции, ему всегда поручают руководство агитколлективом. В эти дни Б. не узнает. Он кажется моложе на 20 лет. В доверенное дело К. вкладывает всю свою еще далеко не истраченную энергию, весь свой богатый организаторский опыт. А разве нельзя было использовать К. и в будущем? Как интересно он мог бы поставить шефскую работу в подшефном детском доме! Как превосходно организовал бы службу соцтруда, охраны труда! Как мог бы полезен комсомольцам своим опытом старого коммуниста! Однако общественные организации, жалующиеся на то, что не хватает людей на общественную работу, об этом «внутреннем резерве» не думают.

Особой заботой нужно окружить одиноких людей. Большую роль здесь может сыграть пионерская организация. Я говорю о тимуровском движении. Участие в этом живом, благородном деле воспитывает в ребенке действительную любовь к людям. Мальчик, который сегодня вместе с товарищами побывал у стариков своей улицы и помог им в их несложном быту, и дома своему дедушке догадается во-время подставить скамейку под ноги, прочесть газету, и на улице доведет слепого до места.

В очень многих семьях именно на стариках лежит повседневная забота о подрастающем поколении. К сожалению, далеко не всегда заботы эти встречают ответную детскую ласку, а именно в проявлении внимания и любви детей особенно чувствительны старики. Мало того, нередко старику приходится выслушивать от ребенка грубость, насмешку.

Почему так? Часто виноваты родители, которые не умеют потребовать от детей уважительного отношения к старикам, да и сами своим поведением не подают ребенку нужного примера.

Не думаем мы над воспитанием в детях почтения и уважения к старости вообще. Мало, скучно, неинтересно об этом говорят в школах, однообразно пишут в детских книгах и хрестоматиях.

У Льва Толстого есть басня «Старый лев и внучек». Содержание ее таково. Лев стал стар. Как-то во время еды он разбил чашку. Рассерженная внучка пообещала старику, что будет давать ему обедать в лодке.

«Сидит раз муж с женой дома и смотрит — сынчика их на полу подпочками играет — что-то слаживает. Отец и спросил: «Проработали» для проформы, — это бы его не очень расстроило. Другого он боялся. Как бы не разболелся его дешевое литературное юрство. Как бы не сказали самые жестокие и тяжелые для него слова: «Нет, ничего из Глазкова так и не вышло. И настоящего поэта, и настоящего пьенища».

Николай Глазков трусит, боится своего рода «общественного мнения». Он сочинил шутливую поему о том, как поэт Нарочитов намеревался переписать пьесу Выпивохи. А вдруг воспетый им «Нарочитов» не признает его, Глазкова, за пьенищу? Настоящее же общественное мнение в пьесу и к пьенищам долгое время отношения удивительно пассивно. До какого-нибудь чрезвычайного происшествия. Неловко, дескать, ставить вопрос о пьенище. Бесцеловечно. Неучто. А разве лучше равнодушно смотреть, как сбивается с пути, губит свои способности молодой литератор, как его жизнь возле буфетной стойки Центрального дома литераторов превращается в живую парализованную старинную обывательскую, богемно-бабское представление о поэтах?

Пока человек еще держится на грани «нормы», иногда говорят: «У нас нет осязаний вмешиваться, еще рано ставить вопрос». А когда человек спился, разложился, говорят: «Случай запущенный, тут уже поздно вмешиваться». И полагается, что богемная распушенность нередко встречается не сплошную стену безразличия, а гнилой нейтралитет. С этим нелепым нейтралитетом по отношению к последним ископаемым литературным богемы пора кончать. Зарифмованное и незарифмованное питейное шовство заслуживает не уважения, не сожаления, а сурового общественного осуждения.

Добрым людям спирт, что коню овец, а без спирта они, что трамвай без колес.

И снова субальпийски воспеваются, и прихотливо снова пьют, как это ни было неприлично и противно. В конце концов, приобретала буквальный смысл строчка: «Я на мир взирал из-под столба».

Никто не вмешивался. Формально вроде никто и не обязан был вмешиваться. Глазков не состоял в Союзе писателей, а только ходил по его коридорам, как когда-то он не занимался в Литинституте, а только ходил по его коридорам. Но если бы Глазкова и

«Что ты это делаешь, Миша?» А Миша и говорит: «Этот я, батюшка, лодянку делал. Когда вас с матушкой старые будете, чтобы вас из этой лодянки кормить?» Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика, и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним».

Мораль этой басни, конечно, не исчерпывается формулой «Как я, так и мне будет». Мужу и жене стало стыдно, что они обижали старика.

Сотни раз перебранная, нехитрая эта басня имела огромное воспитательное значение как для детей, так и для взрослых. Она и сейчас заставляет каждого из нас подумать: всегда ли мы в своем личном быту, за суматохой дел помним о наших стариках — родных, друзьях, соседях по квартире, товарищах по работе? Не придираемся ли мы к ним по мелочам, учитываем ли особенности их жизни и быта, окружим ли заботливой заботой, которая им так нужна?

Мне пришлось как-то рано утром садиться на Даниловской площади на автобус № 6. У остановки стояла группа женщин, ехавших на фабрику, к смене. Среди них были и пожилые. Подсаживая друг друга, с трудом влезли они в автобус. Одна из женщин всерьез сказала, что если она когда и бросит работу, как давно советует зять, то только из-за этой проклятой подножки. Действительно, если судить по высоте подножки автобуса (тридцать сантиметров), то она явно рассчитана на то, чтобы переворачивать футболиста на стадион «Динамо», а не обслуживать пожилых людей с ревматическими от старости ногами.

Огромный поток машин течет в утренние и вечерние часы по Садовому кольцу. Как перейти через этот поток стариков? Прохожие спешат на службу, миллионеры заняты какими-то другими делами. И вот стоит на углу тротуара одинокая фигура: беспомощно опираясь на палочку, старик долго ждет попутного доброго человека.

Трудно старому человеку взобраться на четвертый или пятый этаж. И никто из архитекторов не догадывается предусмотреть на лестничных площадках скамейки для отдыха.

Казалось бы, все это мелочи, но ведь из них складывается быт человека в те годы его жизни, когда он не по прихоти, а по необходимости нуждается в уюте, особых удобствах.

Все эти большие и маленькие неурядицы в обслуживании стариков сравнительно легко и просто устранимы. Нужно только, чтобы каждый из тех, кому поручена забота о быте людей, призадумался, как может он украсить и облегчить эту трудную часть жизненного пути человека.

Русская пословица говорит: старость — не радость. Старость, конечно, не радость, но старость можно сделать радостной и счастливой.

Жизнь, в том числе и старость, можно прожить по-разному. Можно и в тридцать лет быть нытиком и ворчуном. Можно и в восемьдесят находить удовлетворение в жизни. Нужно только, чтобы у человека не иссякала жизненная энергия, душевная радость, желания. Академик Богомолов в своей книге о продолнии жизни учит — берегите желания. Желания — стимул работы, стимул любви, стимул долгой жизни.

В научных книгах, когда пишут об активной старости, всегда приводят примеры Толстого, Павлова, Ленинского...

Но подвиг активной, беспокойной, молодой старости показывают и сотни тысяч рядовых тружеников нашей страны. Каждый из нас знает десятки старых годовиков, но молодых душой рабочих, учителей, врачей, библиотекарей, которые не мыслят жизни без работы, а каждый день их — пример вдохновенного труда.

Для таких людей, как хорошо написала Мариэтта Шагиняна в своем «Дневнике писателя», нет старости в привычном ее понимании, как синонима угасания, ослабления, слачи своих позитив, такие люди молоды до конца своей жизни.

Как же бережно должны мы хранить эту неуязвимую молодость старых людей.

Павел МИХАЛЕВИЧ

ФЕЛЬЕТОН

Рифмы ради...

Когда-то Семен Васильевич Ботельников, герой рассказа Леонида Андреева «Оригинальный человек», вынужден был, прихватив насчет предельной экзотических африканок, жениться именно на африканке, хотя любил он совсем другую девушку. Признаться, что он хвастунишка, поэт, что в глаза не выдала ничего африканского и вообще робела перед женщиной, у него не хватало мужества. Он заврался и сам себя наказал. Выдал и делал вид, что безумно счастлив со своей нелюбимой женой.

Судьба Николая Глазкова сложилась не так тяжело...

Дет лет, а может быть, пятнадцать назад казалось, что все впереди. На всех подоконниках Литературного института студенты объясняли друг другу, что Николай Глазков — талант.

Стихи Глазкова, действительно, врезались в память. Точнее говоря, врезались в память не стихи, а отдельные строчки. У Глазкова всегда получались строчки и никогда не получались стихи в целом. Для того, чтобы написать удачные стихи, не хватало дисциплины, собранности, ясности мысли.

Шли годы. Сверстники Глазкова постепенно входили в литературу или хотя бы в СПП.

Иногда сверстники встречались, вспоминали недавние и уже далекие годы. Вспоминали, например, как заходили в институт Глазков и жак руку, приговаривая: «Я самый сильный среди интеллигентов и самый интеллигентный среди сильных». И действительно, удивительной физической силы был человек... Вспоминали, жалея, забывали.

А Николай Глазков все эти десять или пятнадцать лет жил все так же и жил все так же. За эти годы он потерял былую ле-

гендарную силу, похудел, осунулся, стал переводчиком.

Но не работа над стихотворными переводами придала Н. Глазкову изможденный вид. Причиной была не поэзия, не критика, а вода.

Н. Глазков пил. По его собственному выражению, «пил смертный поем». Пил продуманно, принципиально и вместе с тем вынужденно. Пил из-за рифмы.

Когда-то в юности случилось ему сочинить две строчки: «Я возду пью на чувства долга, потому что я — поэт». У Глазкова не хватало храбрости признаться в хвастовстве, в неумном фразеерстве. Пришлось доказывать себе и окружающим, что это не рифмы рифмы сказано, а вернее. Не болевшая, не поза, а, так сказать, литературное кредо.

Полнонок стало меньше. Место товарищей заняли субальпийки. А субальпийки просили, требовали еще и еще стихов насчет выпивки. Глазков сочинял: «Я выпиваю — значит, я живу. Меня манит животинная влага».

Субальпийки восхилялись. И заставляли Глазкова по этому поводу выпить еще. И Глазков снова разрабатывал тему пьянства:

Добрым людям спирт, что коню овец, а без спирта они, что трамвай без колес.

И снова субальпийски воспеваются, и прихотливо снова пьют, как это ни было неприлично и противно. В конце концов, приобретала буквальный смысл строчка: «Я на мир взирал из-под столба».

Никто не вмешивался. Формально вроде никто и не обязан был вмешиваться. Глазков не состоял в Союзе писателей, а только ходил по его коридорам, как когда-то он не занимался в Литинституте, а только ходил по его коридорам. Но если бы Глазкова и

Александр ЛАЦИС

Блага в нашей стране — первый шаг человека. Она учит его жить, освещает и очищает душу. Смело можно сказать, что...

Стало быть, дело не в том, что вместе с огнем революционных страстей ушел пафос героической деятельности беззаветного бойца-революционера. Повзрослому, делу в том, что среди многих трудностей...

С. ГЕРАСИМОВ
вслед за ним и читатель в глухие дебри. Брегажная гримаса, с которой ревнители подобной «искренности»...

для которого борьба за правду, за чистоту, за коммунизм есть чужое и далекое дело, а вся жизнь представляется бесполовой суетой одиночек...

Окончился трудовой день. Колхозники сельхозартели имени Чапаева, Горьковского района, Воронежской области, отправили последнее махиной зерно на элеватор. Они полностью расстались с государством.

Валерия ВАЛЬСЮНЕНЕ Почему отстает детская литература Литвы
«Рост нового человека особенно ярко заметен на детях, а... наши сочинители как будто считают ниже своего достоинства писать о детях и для детей».

Что же отличает эти книги, независимо от того, написаны ли они в наше советское время или в иные времена, написаны ли они нашими русскими писателями или иностранными? Эти великие книги рождены одна общая черта: они выступают за лучшее человека, они пронизаны глубокой, искренней верой их авторов в лучшее будущее человечества.

Все эти переломные люди нашего века — революционеры не по букве, а по существу дела. Для них нет двух правд. Они знают только одну и готовы бороться за нее до последней капли крови.

Мы с гордостью вспоминаем образ рыцаря революции Дзержинского. Его образ в искусстве должен быть не простой аллегорией революционного пафоса. Это был человек из плоти и крови, со своей прекрасной и сложной судьбой, сумевший вдохновить тысячи и тысячи людей на труд и подвиги...

Элементы сатирического раскрытия свойственны не только прямой жанрово очерченной сатире. Нет, их можно найти в любом произведении художественной прозы, поэзии, короче, во всех жанрах литературы. И здесь мы знаем много удивительных примеров.

Можно ли назвать Натану Ростову современницей нашего молодого поколения? Разумеется, нет. Между мальчишкой графинейской и нашей советской молодой труженицей лежит огромное пространство, и все же душевные порывы этой прекрасной молодой русской женщины, движущие ею и в любви, и в патристическом толге, бесконечно близки и понятны каждой нашей молодой русской женщине, вступающей на жизненный путь.

Есть ли это идеальные герои? Я думаю, что само понятие «идеальный герой» не может быть принято ни в шутку, ни всерьез.

В связи с этим я хочу вернуться к поставленному мной вопросу. Быть может, сам материал мирной, созидательной жизни сложнее для раскрытия, чем материал революционных боев или Великой Отечественной войны. Повторю, на этот вопрос нельзя ответить утвердительно и тем объяснить или обосновать новые трудности, стоящие перед нашей литературой в раскрытии нашего современного героя.

Способов здесь столько же, сколько художников — от сарказма Гоголя и Щедрина до иронической улыбки Чехова. Но ведь и в том и в другом случае в основе лежат пристальное внимание и любовь к человеку, стремление понять его до конца и, разоблачив низменное, отстало, указать верную дорогу.

«Война и мир», так же как и «Евгений Онегин», остается для нашего читателя полновесной эпопеей жизни. Каждый читает эту книгу на свой лад. Они возвращаются в историю семьи, другие — к сценам сражений, но всегда возвращаются к этой книге, много и много раз перечитывают ее в течение жизни.

Литературный герой должен быть жизненным по самой своей природе, иначе он останется за пределами тех художественных требований, которые мы обязаны предъявлять в литературе социалистического реализма. Однако думается, что понятия А. Белишевского установить некий минимум необходимых противоречий для того, чтобы оживить этого, так называемого идеального героя, всегда окажется недостаточным. Это обязательно произойдет вследствие главного закона литературы.

В этом смысле характерны те недоразумения, которые намечались в писательской среде по поводу духа и направления нашей советской сатиры. За последние годы появилось много произведений, претендующих на сатирическое раскрытие недостатков нашей жизни. И не в том дело, что наряду с удачами появилось немало неудач. Дело, повидимому, все-таки в том, что мы еще до конца несли законы закономерности этих удач, так же как и причины неудач.

В нашей советской литературе есть много прекрасных страниц, наследующих эту высокую гуманистическую традицию нашей литературы. Достаточно вспомнить «Счастье» П. Павленко, образ Корытова и знаменитую сцену его разговора с Воропаевым. Сам Корытов не представляет собой карикатуры, его уродливые черты открываются при столкновении с красотой и правдой жизни, которую несет в себе образ Воропаева.

«Война и мир», так же как и «Евгений Онегин», остается для нашего читателя полновесной эпопеей жизни. Каждый читает эту книгу на свой лад. Они возвращаются в историю семьи, другие — к сценам сражений, но всегда возвращаются к этой книге, много и много раз перечитывают ее в течение жизни.

Все действие замкнуто внутри мелкой и грязной жизни, яв исторически, яв социально не правомочной, где трудно даже установить, что хуже — дочь ли прокурора, ее мать, или сам прокурор — человек, по видимости, ничтожный, убогий, но имеющий ничего общего с тем огромным, просторным миром, на защиту которого он призван выступать. В произведении вообще нет света, который боролся бы с этой тьмой.

Не привою здесь общеизвестного положения о типизации явлений средствами литературы, нужно просто понять, что литературное творчество, как и всякое художественное, предполагает выслезательный отбор, причем отбор этот заключается отнюдь не в самоограничении художника в отношении остроты материала. Художник вправе пользоваться всеми явлениями действительности для того, чтобы создать верную картину жизни, но он обязан правильно их отобразить и осмыслить, ни на минуту не изменяя самой природе поэтического творчества.

В свете этого примера особенно ясно выступает неудача романа Ф. Панферова «Волга-матушка река». Сцены, связанные с самоубийствами бывшего секретаря обкома Малинова, не потому плохи, что они показывают нам постыдные черты его характера, а потому, что они, опираясь на достаточную глубину анализа, не объясняют причин, приведших советского человека, коммуниста Малинова, к моральному падению.

Эта удивительная книга не одинока на нашей книжной полке. Рядом с ней стоят лучшие произведения Горького, Чехова, Гончарова, Тургенева, не говоря уже о Пушкине, Лермонтове, Гоголе... Все эти книги легко узнать в библиотеке по их внешнему виду: они никогда не бывают новыми, создаются впечатление, что они выходят зачитанными сразу из книжных лавок.

Любые стороны человеческой жизни подпадают литературе. Все дело в точке зрения, с какой писатель подступает к жизни, все дело в глубине и верности его знания жизни, в силе его убежденности, в его действительно революционном мировоззрении и, наконец, в размерах художественного дарования, помогающего ему верно оценивать и живо воспроизводить все многосложные связи жизни в их постоянном развитии, освещая их своим горячим стремлением к правде, красоте и справедливости.

Вот этот живой взгляд художника, живой его голос дают читателю путь к правильному восприятию и авторского замысла и действительных связей жизни.

Сделанные поверхностно, внешне, сценны эти вызывают не только отращение к Малинову, но бросают тень на самую человеческую природу, способную, вопреки всему свету, что творится во имя самой человечества, опуститься на самое дно жизни. А это уже непростительное нарушение важнейших законов литературы, призванной поднимать человека, а не пригибать его.

«Война и мир», так же как и «Евгений Онегин», остается для нашего читателя полновесной эпопеей жизни. Каждый читает эту книгу на свой лад. Они возвращаются в историю семьи, другие — к сценам сражений, но всегда возвращаются к этой книге, много и много раз перечитывают ее в течение жизни.

Достаточно вспомнить в этом смысле один из самых суровых рассказов М. Горького «Страсти-мордасти». Там обстановка страшна до крайности. Но весь этот страшный рассказ, как луч света, пронзая убежденностью автора и стремлением маленького мальчика-уродца к правде и красоте. Его мечта о «чистом поле», как в капле воды, отражает всю мечту человечества о чистой, мудрой, прекрасной жизни, и у читателя накипают живые слезы, он сам хочет стать чистым, подняться над суетностью, слабостью и сомнением.

Живой голос писателя, так настойчиво выступающий в произведениях классики, отличает и лучшие современные вещи. Ну, скажем, речь шестнадцатилетнего юности Кошова, обращенная к гитаристам палачам, для меня, как читателя «Молодой гвардии», всегда являлась действительным содержанием этого замечательного романа. Сила и законченность речи, казалась бы, может поставить перед читателем вопрос: сколько же лет Кошовому? Мы затрудняемся найти ответ. Во всяком случае, не шестнадцать, так как тот гигантский пресс событий, осмысленный, душевных потрясений, который отличал эту короткую великую жизнь, конечно же, вывел Кошова далеко за пределы его физического возраста. То же, что он говорит именно этими словами, словами, оцененными до ланитарной жестокости выразительности, является, по-моему, заслугой автора, который придал здесь своему герою свою большевикскую интонацию и этим самым поднял его до уровня своего мышления, своих жизненных взглядов, своих убеждений, своих человеческих страстей. Именно через эту сцену читатель до конца сблизится и с Кошовым, а через него — с писателем Фадеевым по наиболее прямой и краткой линии. Высокая авторская цель в данном случае оправдывает кажущееся нарушение жизнеподобия. И сила правды от этого не теряется.

Принципиальность, с которой писатель Ф. Панферов расколет светлые и темные краски, приводит к разрыву явлений действительности и с одной стороны, путем сурового раскрытия искажает то светлое, переломное, что достигнуто нашим обществом в постоянной и неустанной борьбе со старым, отживающим, и именно поэтому вдвойне прекрасное, а с другой — идеализирует те действительные прелести, какие стоят на пути нашего общества к коммунизму.

Прежде всего надо назвать образы романа Михаила Шолохова «Поднятая целина». Когда слышишь две книги Шолохова — «Тихий Дон» и «Поднятая целина», то писательский подвиг во втором романе, быть может, превышает совершенство, зрелость и красоту «Тихого Дона». Шолохов взял труднейший период социалистического строительства — коллективизацию. Роман его еще не закончен. Все мы с нетерпением ждем второй части, которая в опубликованных отрывках обещает нам не меньшее литературное событие, чем первая часть. Однако уже и в первой части отчетливо видно, что Шолохов удачно обнаружил самые сокровенные стороны жизни наших советских людей в процессе их повседневного творческого труда. Удалось это ему потому, что он выдвинул на первый план такие характеры, в которых ясно бьет мощная революционная энергия строителей нового мира. Достаточно вспомнить сцены раскулачивания, молодого Давыдова и многие другие сцены, равные им по силе, правде и выразительности.

Если рассматривать искренность в духе самозащиты обывательских рефлексий и жалоб на трудности строительства нового мира, то такая искренность едва ли порождает кого-либо из наших читателей, кровно заинтересованных в том, чтобы жизнь развивалась по пути прогресса... Обывательское стремление витать в литературе некое убогое для чтения в смысле мелочного жизнеподобия ничего общего не имеет с действительным направлением советской литературы, данной уже такие значительные плоды. Желание потрогать житейским слабостью гипотетического среднего человека, якобы свободного от стремления к подвигу, может завести и писателя, а

Проблема мастерства, волнующая всех художников и в первую очередь писателей, неразрывно связана с проблемой идейности, с проблемой мировоззрения. Желание понять жизнь и объяснить ее читателю во всех ее самых сокровенных и тайных связях есть основная движущая сила художественного творчества. Именно она заставляет писателя непрестанно углублять свои знания в области общественно-политической науки, истории, этнографии, постижения богатств родного языка. Именно эта сила заставляет писателя воспринимать все явления жизни как богатейший творческий материал, подвальный его анализу и синтетическому осмыслению.

Читатель хочет видеть в книге правду жизни, поднятую поэтическим дарованием художника до той действительной красоты, в которой борьба за счастье человечества есть постоянный, непрерывный процесс, исполненный страсти и воли. Когда же это — статистические результаты в виде раскрашенных портретов и колонн или смрадных чувств, то мы вправе усомниться в зрелости и художественной полноценности такого произведения.

В этой статье невозможно было перечислить все вопросы литовской детской литературы. Без сомнения, они будут обсуждены вторым съездом литовских писателей и Вторым всесоюзным съездом. Ясно одно: литовской литературе нужна горьковская любовь и горьковская требовательность.

Эта же сила любви к чистому и прекрасному, сила, которая всегда лежит в основе подлинного искусства, позволила А. Фадееву в его неоконченном романе «Поднятая целина» провести свою героиню через ошибочную, оскорбительную любовь со всеми ее физиологическими последствиями, не замарав ее тем не менее и оставив читателю веру в то, что она станет на верный путь, что она найдет своего героя, ибо душевная ее чистота и красота не ставятся писателем ни на минуту под сомнение. С не меньшей очевидностью закон этот выступает в образе Петра I в одноименном романе А. Толстого. Позитивизм в противоречии, во многом отталкивающей натуре Петра его творческий патриотизм, его нескончаемая созидательная воля, А. Толстой помогает читателю верно понять и оценить и самого Петра — одного из самых жестоких русских царей, его суровое время и самый его подвиг.

То же самое происходит и при сатирическом раскрытии материала. Никакое суровое обличительное слово, никакая едкость и резкость сатирического рисунка не могут быть оскорбительными для всего народа, если прицеп выбран верно, если автору понятны действительные причины того или иного отрицательного явления, если он употребляет оружие сарказма, ироники, сарказма против действительных, а не мнимых врагов народа.

Ваша критика об этом серьезном недостатке и сейчас пишет мало. А между тем, как нуждаются детские писатели в справедливой и разумной критике, умеющей не только «хвалять» и «ругать» по заслугам, но и помочь писателю квалифицированным анализом жизни, дельными советами!

Л. ИТЕНКО

Вот этот живой взгляд художника, живой его голос дают читателю путь к правильному восприятию и авторского замысла и действительных связей жизни.

Думается также, что наивная дозировка света и тени при обрисовке персонажей никогда не сможет обмануть читателя или зрителя, если сам автор остается на безучастной позиции свидетеля жизни,

Ваша критика об этом серьезном недостатке и сейчас пишет мало. А между тем, как нуждаются детские писатели в справедливой и разумной критике, умеющей не только «хвалять» и «ругать» по заслугам, но и помочь писателю квалифицированным анализом жизни, дельными советами!

Почему отстает детская литература Литвы

«Рост нового человека особенно ярко заметен на детях, а... наши сочинители как будто считают ниже своего достоинства писать о детях и для детей».

В известной мере отсутствие таких произведений восполняется переводами русской классической и советской детской литературы, а также произведениями для детей литовских классиков — Жемайтиса, Билонаса, Швири, Янониса. Но когда ставился на письменный стол сток наших оригинальных книг для детей, тебя охватывает противоречивое чувство: радуешься, что книг уже достаточно много, и огорчаешься, что их все еще слишком мало!

Подобно порабощенной в литовской литературе Э. Межелайтис, некоторые стихотворения которого стали детскими хоровыми песнями, В. Музурнас, М. Студис, работающий в традициях Гайлара и Швири, А. Балтрунас, Г. Борсакевич, К. Вилкис.

По странно — за последнее время кое-кто из этих писателей охладел к детским темам, их активность в нашей детской литературе снизилась. Почему же это? Неужели потому, что некоторые произведения для детей во время недавней декады литовской литературы и искусства в Москве подверглись справедливой критике? Отчасти, может быть, и так, но главная причина, думается, как раз противоположная — в критике несправедливой. А случаи такой критики у нас в республике не так уж редки.

Литовская детская литература за последние годы значительно выросла, нашла свой путь к читателю, оказала несомненное воздействие на его воспитание в духе коммунизма. Критика же не вполне выжила в значении этого процесса. Она отстает от литературы и зачастую дезориентирует и писателя и читателя.

Большой ущерб нашей детской литературе нанесла пресловутая «теория» бесконфликтности, согласно которой утверждалось, что советских детей следует воспитывать только на «идеальных» героях, лишенных каких бы то ни было недостатков. Ребенок в рассказе Студиса «Аисты» бросил камень в колодезь. Некоторые критики объявили этот рассказ ненадежным. Герой рассказа Балтрунаса «Мальчик с голубой лачи» счастливо стремление прихвастнуть. Рассказ расценивается, как противоречащий требованиям советской педагогики. Изображение ребят не идеально красивых, курносых и с веснушками, — тоже винуло критикам «педагогически» опасения.

И вот в детской литературе стали появляться произведения, поверхностно скользящие по жизни, — иные писатели прикрывали свое бездумное отношение к жизни кажущейся актуальностью материала. Таковы некоторые произведения для детей А. Матугиса. На переход литовских крестьян к коллективизации Матугис отозвался книжкой «Дети из колхоза».

Работали десять дней, Сдрогался воздух от песни... В таком духе описывается колхозный труд. Двухстишие это могло бы стать эпиграфом к легкомысленной книжке Матугиса, в которой все мило, красиво и весело: и дети, и колхоз, и телата, и скворешники, и месячные распротрашения книг. Герой Матугиса — да и не только его! — однообразно мыслит дети, стандартно правдивые палочки и мамочки, хороший и скучный учитель.

Наша критика об этом серьезном недостатке и сейчас пишет мало. А между тем, как нуждаются детские писатели в справедливой и разумной критике, умеющей не только «хвалять» и «ругать» по заслугам, но и помочь писателю квалифицированным анализом жизни, дельными советами!

Особо хочется сказать о рассказах для детей. Этот жанр, боевой и оперативный, позволяет быстро и в доступной для детей форме знакомить их с новым, с тем, что беспрестанно возникает и побеждает в советской жизни. К сожалению, большинство наших рассказов выглядят так, будто они написаны одним писателем, —

Новые книги

- Володя А. Рассказы. «Советский писатель» 172 стр. Цена 2 руб. 85 коп.
Елин-Пелин. Герарова Земля. Повести. Перевод с болгарского. Гослитиздат. 104 стр. Цена 1 руб. 05 коп.
Зна О. Горячий час. Роман. «Советский писатель» 685 стр. Цена 11 руб. 85 коп.
Лавтев Ю. Путь открыт. Роман. «Советский писатель» 360 стр. Цена 6 руб. 05 коп.
Лермонтов М. Сочинения. В шести томах. Т. I. Стихотворения. 1828—1831. Издательство Академии наук СССР. 452 стр. Цена 15 руб.
Матов В. Рассказы. «Советский писатель» 271 стр. Цена 4 руб. 80 коп.
Меттер И. Учитель. «Советский писатель» 307 стр. Цена 5 руб. 50 коп.
Пигарек К. Творчество Фонвизина. Издательство Академии наук СССР. 316 стр. Цена 10 руб. 50 коп.

НАРОДЫ ПОМНЯТ...

Пятнадцать лет назад нападением гитлеровских армий на Польшу началась вторая мировая война. Сентябрь показал народам Европы звериный облик фашизма и, в противовес ему, мужество, героизм и самоотверженность простых людей, вставших на борьбу за национальное освобождение. Всемирно-историческая победа над гитлеровской Германией привела Польшу в лагерь демократии. Победа прогресса над темными силами фашизма стала и нашей победой.

Те, кто правили Польшей до катастрофы 1939 года, сломая голову, продали свой народ, постыдно уйдя в сентябре за границу, ибо не верили ни в силы польского народа, ни в прогрессивные силы мира, крепостью которых был и остается великий Советский Союз. «Правители» бежали, но зато на польской земле остался народ, который чувствовал, что бомбы, падающие на нашу столицу, — это не просто столкновение между немцами и поляками. Было достаточно трезвых людей, которые понимали, что начался мировой конфликт, в котором решаются судьбы цивилизации, самое ее существование.

Сегодня, спустя 15 лет, каждый честный поляк может с гордостью пройти по своей родной земле, может увидеть прошедшие здесь чудесные перемены. Польша пользуется уважением всех миролюбивых государств. И это является новым подтверждением исторической правды: народы развиваются и крепнут, если связывают свои судьбы с делом мира.

Знакомство мира, прогресса и дружбы народов является наш сосед и брат — Советский Союз. Это хорошо знают в Польше, и потому польско-советская дружба является гарантией нашей свободы и мирной жизни. Вместе с другими европейскими народами польский народ борется ныне за коллективную безопасность в Европе. Мы не допустим втянуть Европу в какой бы то ни было новый водоворот, о котором мечтают духовные наследники Гитлера, обитающие в Бонне, но имеющие свои банковские счета за океаном.

Я помню, какие разговоры шли девять лет назад, в августе 1945 года, на Потсдамской конференции, в международном пресс-бюро. Берлинские корреспонденты американской и английской прессы смеялись над нами, когда мы говорили, что новый строй и новые границы народной Польши принесут нам дружбу всех наших соседей.

— Никогда в истории еще не было такого, — с язвительной усмешкой твердили они, — чтобы поляки и немцы жили в согласии и мире.

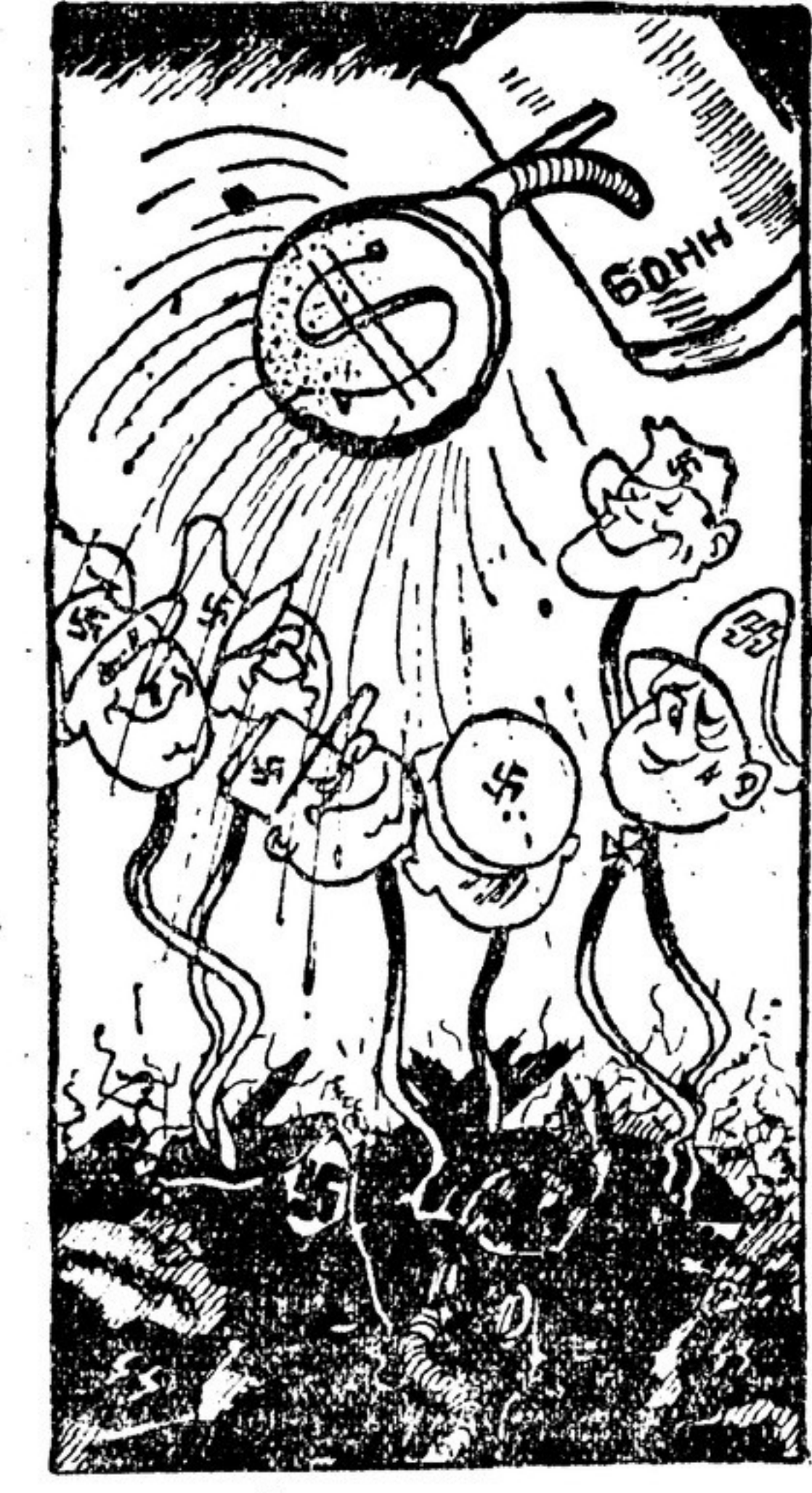
Сегодня ни один здравомыслящий человек не верит в то, что может возникнуть польско-чехословацкий, польско-украинский или польско-белорусский конфликт. А то, что делается по обеим сторонам границы на Одере и Нейссе, не сулит сторонникам новой войны никаких надежд и на польско-германский конфликт. Немцы патриоты, наши друзья, борющиеся за единство миролюбивой демократической Германии, несомненно, борются против врагов новой Польши. В свою очередь поляки самоотверженной борьбой за мир, за европейскую безопасность, несомненно, помогают борьбе немецкого народа за единство его родины.

В нашей части Европы сегодня дружба народов — не фраза из дипломатического документа, а факт. В тесном каждодневном сотрудничестве и взаимопомощи народов, начавших борьбу за построение социализма, крепнет борьба за прочный мир.

Эта истина ясна и очевидна. И мы говорим об этом лишь потому, что подстраивательство и натравливание народов друг на друга все еще существуют, как и пятнадцать лет назад, когда такая политика была двигателем всех гитлеровских преступлений. За океаном есть люди, которые мечтают добиться своих агрессивных целей с помощью замкнутых группировок, с помощью германских милитаристов.

В Вашингтоне и Бонне все еще упорно продолжают сколачивать антиевропейскую армию — новый вермахт со старыми генералами. Но на этот раз народы соврут агрессивные планы. В Восточной Европе русские, поляки, украинцы, чехи, белорусы, венгры и другие народы совместно строят и укрепляют мир. Растет экономическая, культурная и политическая сила Советского Союза, Германской Демократической Республики, Чехословакии, Польши и других демократических государств. Кренидут ряды сторонников мира в других странах Европы, во всем мире. Они полны решимости достичь прочного мира, обеспечить коллективную безопасность всех европейских народов.

ВАРШАВА, 30 августа. (По телефону)

Бонские сорняки
Рисунок худ. Ганса из немецкой газеты «Нейсс Дайчланд».

ВЕРХОВНЫЙ ШТАБ ГЕРМАНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

Во второй мировой войне, которую пятнадцать лет тому назад начала гитлеровская Германия, ярко проявилась реакционная, преступная сущность германского генерального штаба. Среди организаторов разгромленного Советской Армией гитлеровского «третьего рейха», виновных в развязывании войны и в применении бесчеловечных способов ее ведения, ему принадлежало одно из видных мест. До последнего дня войны работавший в интересах Гитлера и его клики, он покрыл себя позором бесчисленными кровавыми преступлениями, являясь виновником гибели миллионов мирных людей. Недаром Потсдамское соглашение между США, Англией и СССР, к которому присоединились и Франция, содержало совершенно определенное постановление об упрощении и запрещения деятельности германского генерального штаба — этого верховного органа агрессии. Именно генеральный штаб являлся одним из главных проводников реакционной, империалистической политики крупного монополистического капитала.

После разгрома гитлеровской армии только два бывших военных руководителя фашистской Германии — Кейтель и Йодль, которых судил Нюрнбергский трибунал в числе главных военных преступников, не избежали виселицы. Против остальных представителей генералитета — Гальдера, Кессельринга, Штюльпнагеля, Манштейна, Мантейфеля и других — формально было возбуждено «судебное преследование», но американско-английские пособники фашизма превратили суд в демонстрацию соучастия и покровительства подкудным. В итоге некоторые генералы были просто оправданы, других, чьи имена наиболее памятливы миллионам жертв агрессии, в виде уступки общественному мнению все же пришлось осудить на различные сроки заключения: но не прошло и трех-четырех лет, как «осужденные» вновь оказались на свободе.

Время своего недолгого «заключения» в комфортабельных загородных виллах под наблюдением американцев и англичан бывшие генералы использовали для писания мемуаров о второй мировой войне. Военные мемуары бывших гитлеровских генералов служат одной цели — оправдания немецко-фашистской агрессии, разжигания реваншистских настроений, подготовке новой войны, разумеется, войны против «востока» и, в первую очередь, против СССР. Обанкротившиеся представители гитлеровской военщины пытаются доказать, что в поражении Германии во второй мировой войне виноваты якобы один лишь Гитлер и верхушка национал-социалистической партии, а генералы и вообще военные здесь ни при чем; что опять-таки только Гитлер и его непосредственное «партийное» окружение несут ответственность за бесчеловечные методы ведения войны, а генералы были лишь «неразумными солдатами», выполнявшими приказы.

Но не только попыткам запоздалого самооправдания посвящены эти сочинения. Все они превращают разгромленную победоносной Советской Армией германскую военную машину и ее мозг — генеральный штаб. Рекламируя этот орган агрессии, бывшие гитлеровские генералы открыто предлагают свои услуги специалистам военного разбора новым хозяевам — американским империалистам. Характерна в этом отношении последняя (XIV) глава мемуаров Гудериана «Воспоминания солдата». Автор всячески старается обелить германский генеральный штаб, доказывая, что он являлся «великодушным военным органом», и снискать с него ответственность за двукратное поражение Германии. Заключительный раздел мемуаров, озаглавленный: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!», — прямо призывает к восстановлению германского милитаризма и его «мозгового треста» — генерального штаба. К тому же направлена и другая книга Гудериана, многозначительно названная «Так это и пойдет!» и требующая от американских покровителей Аденрауэра и К° полного восстановления военной мощи Германии.

Сразу же после войны американско-английские реакционеры начали использовать германскую военщину в своих целях. В 1946—1947 годах были сформированы первые группы «по изучению опыта второй мировой войны» из немецких генералов и офицеров, «заключенных» в американских и английских лагерях, в 1948 году генерал-полковник Гальдер был открыто привлечен к работе в «историческом отделе» штаба американских войск в Европе, в 1950 году, по распоряжению американских оккупационных властей, был создан институт «военных советников» при американском правительстве, а в 1951 году американцы завершили освобождение генералов — военных преступников и развертывание в Западной Германии системы военных учреждений, выполняющих функции военного министерства и генштаба.

Разумеется, не случайно все эти мероприятия по реставрации немецкого милитаризма совпали по времени с заключением боннского «общего договора» и парижского договора о «европейской армии». Именно в этой связи 1950—1951 годы явились периодом фактического восстановления германского генерального штаба. 16 июля 1951 года английская газета «Дейли Экспресс» писала: «Германский генеральный штаб — бесочадно действующая машина, которая в течение ста лет планировала европейские войны, — вновь существует». Насколько далеко с тех пор продвинулось дело, видно из того, что в данное время в так называемом «ведомстве Бланка», фактическом боннском военном министерстве, из 180 штабных офицеров половина — бывшие сотрудники гитлеровского генштаба. Заметим, кстати, что список уцелевших после войны членов генерального штаба насчитывает 107 фельдмаршалов, генералов и офицеров. Значит, почти все они уже использованы боннскими реваншистами.

Что же представляет и представляет собой германский генеральный штаб, эта «бесочадно действующая машина» агрессии и империалистической разбой? Ответ на этот вопрос мы находим в опыте прошлого, в истории Германии конца XIX и начала XX века.

В 1880—1881 гг. великий русский сатирик Салтыков-Щедрин опубликовал заме-

чательные очерки о Германии и других посещенных им европейских странах. В этих очерках он, между прочим, посвятил также строки прусской столице: «...вся суть современного Берлина, все мировое значение его сосредоточены в настоящую минуту в здании, возвышающемся в виду Королевской площади и носящем название: **Главный штаб...**»

Это паразитическое по своей глубине замечание писателя раскрывает суть той роли, которую стали играть милитаристские круги в жизни Германии в конце XIX века. Прусский генеральный штаб, как орган оперативного управления армией на театре военных действий, возник еще в период наполеоновских войн. В начале XIX века он являлся отделом военного министерства и не имел самостоятельного значения. Возвышение генерального штаба началось с 1821 года, когда он был выделен из ведения военного министра и непосредственно подчинен королю — главнокомандующему во время войны. Однако практически он оставался замкнутым органом, своего рода военно-консультационным отделом для коронованных особ, не обремененных практическими военными знаниями.

Резкое изменение положения генерального штаба тесно связано с тремя войнами Пруссии: в 1864 году — против Дании, в 1866 году — против Австрии и в 1870—1871 годах — против Франции. В этот период (с 1857 по 1891 год) начальником прусского генерального штаба был фельдмаршал Карл Бернгард фон Мольтке. Три последовательные победы — над Данией, Австрией и Францией, обусловленные ходом экономического и политического развития стран Европы в период расцвета капитализма и огромным превосходством военных сил Пруссии над ее противниками, породили миф о «непобедимости» германской армии и способствовали возвышению ее фактического руководителя Мольтке, которому еще при жизни прусские шовинисты начали воздавать памятники. Именно в эти годы воздаваемый Мольтке прусский генеральный штаб занял в объединенном германском государстве место, так метко охарактеризованное Щедринным.

Основной функцией германского генерального штаба в мирное время являлась подготовка страны к войне во всех отношениях. Осуществление такой функции прямо предполагало вмешательство генштаба в самые различные стороны жизни и работы государственного аппарата. И постепенно генеральный штаб проник во все органы германского государства.

Классовый характер буржуазно-помещичьего германского государства нашел яркое выражение в подборе личного состава корпуса офицеров генерального штаба. В это «священное» милитаризма допускались лишь выходцы из среды коневладельцев, преимущественно титулованные лица, обладавшие значительными земельными угодьями, денежными средствами и «высокими» семейными и личными связями. Ни в одной другой стране кастровость офицерского корпуса не проявлялась так отчетливо, как в Германии. И если «поставщиком» офицеров для германской армии был класс помещиков-коневладельцев, то генералитет выделялся не всем этим классом, а лишь его особо привилегированной верхушкой. Такое положение сохранялось, кстати сказать, и в фашистские времена.

Вот характерный факт. В боевом расписании прусской армии за 1870 год, в период франко-прусской войны, мы находим зловещие фамилии; в нем числятся, в частности, генералы фон Клейст, фон Штюльпнагель, фон Шверин, фон Манштейн, фон Мантейфель и другие. Это — люди и прадеды тех штюльпнагелей и манштейнов, которые спустя семьдесят лет залили кровью поля Европы и причинили огромные страдания советскому народу!

В таком повторении фамилий нет ничего удивительного. Вальтер Герлиц в книге «Немецкий генеральный штаб» перечисляет семьи прусской аристократии, которые поставляли германской армии в течение XVIII и XIX веков ее руководящие кадры. Оказывается, графы Шюленбург давали армии 3 генерал-фельдмаршалов, 1 генерал-фельдцейхмейстера и 25 генералов; фон Клейсты — 15 генералов; фон Шверины — 12; фон Манштейны и фон Арнимы — по 7 и т. д. В годы первой мировой войны в офицерском корпусе германской армии числилось 43 представителя рода фон Клейсты — одной из крупнейших прусских помещичьих фамилий.

Германский генеральный штаб был не только органом высшего военного управления, — он представлял собой руководящий институт, охватывающий все главнейшие звенья армии. Собственно штабом являлся так называемый «большой генеральный штаб», в который допускались лишь часть особо отобранных генштабистов. Остальные офицеры генерального штаба служили в войсках, преимущественно на должностях начальников штабов дивизий и корпусов. Будучи непосредственно подчинены не только прямому командиром, но и начальнику генерального штаба, эти офицеры являлись его ушами и глазами и занимали в армии особое положение.

Ложный авторитет офицеров генерального штаба принес германской армии немало вреда. Офицеры генерального штаба стали носителями и распространителями шаблона, присущего действиям немецких войск и явившегося одной из причин их поражений в боях на советско-германском фронте. А привычка выполнять приказы не рассуждая способствовала превращению гитлеровских генералов в палачей, слепо руководствовались их злодейскими требованиями Гитлера и его окружения.

Как это ни парадоксально, но слепая исполнительность отлично уживалась в генеральном штабе с тенденцией непосредственно влиять на государственную политику Германии. Именно это стремление выдвигало на первый план германской внешней политики агрессивные цели.

В генеральном штабе царил дух агрессии, дух преувеличения военной мощи Германии и недооценки сил ее вероятных противников, дух высокомерного пренебрежения всеми, кто не носит военной мундиры, — одним словом, концентрированный

дух германского милитаризма. За этот-то дух и целили генеральный штаб подлинного хозяина империалистической Германии — воротилы монополистического капитала, мечтавшие о мировом господстве!

Этот дух нашел яркое выражение в подготовке и развязывании Германией первой мировой империалистической войны. Но именно германский генеральный штаб и его тогдашние начальники — Мольтке-младший, Фалькенгайн, Гинденбург и Людендорф — были непосредственными виновниками катастрофы, постигшей Германию в 1918 году и стоившей тяжелых жертв германскому народу.

Но жестокий урок, который получила немецкая военщина в 1914—1918 годах, не пошел ей впрок. Сразу же после окончания первой мировой войны милитаристы начали готовиться к реваншу. Это способствовало сохранению руководящего костяка агрессивной военщины — германского генералитета. «Кайзер ушел, генералы остались», — говорили милитаристы...

И действительно, генералы не только остались, они немедленно принялись за привычную «работу». Хотя генеральный штаб был формально запрещен Версальским договором, он возродился под скромным названием «Военное ведомство». Сотни книг, мемуаров, тысячи статей в военных и полувоспитанных немецких журналах были написаны и опубликованы в послевоенной Германии с целью доказать «непогрешимость» генерального штаба, его невинность в поражениях 1914—1918 годов. Идеолог «тотальной войны» Людендорф, его помощники и последователи — в первую очередь создатель «черного рейхсвера» и глава подпольного генерального штаба генерал Сект — немало потрудились над воссозданием германской военной машины и достигли в этом заметных успехов. Однако успехи эти были бы невозможны без прямой помощи и покровительства американских, английских и французских империалистических кругов, видевших в милитаристской Германии врага Советского Союза и мечтавших столкнуть СССР и Германию.

Благодаря подпольной деятельности военщины к моменту прихода Гитлера к власти в распоряжении фашистского государства оказался готовый военный аппарат — генеральный штаб, руководящие кадры, костяк будущих крупных соединений вермахта. Именно поэтому Гитлеру и споре реваншистов в генеральских мундирах удалось в необычайно короткие сроки создать новую массовую армию. Сразу же после образования фашистским правительством закона от 16 марта 1935 года, односторонне отменившего военные ограничения, наложенные на Германию, «другие» оказались, что Гитлер имеет 36 дивизий, или до 700 тысяч солдат! И это при разоренной Версальским договором численности рейхсвера в 100 тысяч добровольцев с двенадцатилетним сроком службы... Спустя всего четыре года фашистское командование смогло бросить против Польши 70 дивизий. А еще через два года, к моменту нападения на СССР, гитлеровская армия насчитывала 214 дивизий.

Такова была прогрессия роста германских вооруженных сил в годы перед второй мировой войной. Этот рост — следствие усердной работы офицеров и генералитета бывшего кайзеровского рейхсвера и его «мозгового треста» — генерального штаба, полностью восстановленного в своих правах и обязанностях после прихода Гитлера к власти. Не то же ли слово повторяется теперь в Германии Аденрауэра?

Поражение Германии в первой мировой войне и полный разгром ее в войне против Советского Союза означали, в частности, крах генерального штаба.

Но вот что интересно: порочная практика германской военщины оказала огромное влияние на организацию высшего военного управления в других капиталистических странах, особенно в Англии и США. Фактически эти страны в военном отношении уже несколько десятилетий идут по пути своих германских учителей, копируя образцы, широко рекламировавшиеся милитаристской пропагандой.

Характерна в этом отношении вышедшая в США еще в 1944 году (во время войны!) обшестая книга американского подполковника Дж. Д. Хиттля «Военный штаб, его история и развитие». Эта книга в основном посвящена изложению и использованию немецкого военного опыта и содержит сплошные реверансы и комплименты в адрес германского генерального штаба, который автор называет «великим военным инструментом», «совершенно необходимой частью военной машины великой нации».

Раскрывая «удивительно эффективные» методы организации войны, примененные германским генеральным штабом, американский подполковник без обиняков признает, что Англия и США при создании своих генеральных штабов как в организационном, так и в военно-теоретическом отношении широко использовали немецкий опыт, а во многом и просто копировали его. Так, анализируя английское «Штабное наставление» 1912 года, подполковник Хиттль не без иронии замечает: «В результате получились некий организационный англо-прусский гибрид штаба... Его даже можно было назвать прусской вариацией на английский лад».

Не меньшее влияние оказал германский опыт на развитие генерального штаба в США. Подполковник Хиттль признает, что закон от 14 февраля 1903 года, которым в США впервые был введен генеральный штаб в его современном виде, в своей организационной части просто списан из книги одного из сотрудников Мольтке — немецкого генерала Бронзарта фон Шеллендорфа «Служба генерального штаба». Американский автор подчеркивает, что «интеллектуальная основа» генерального штаба США «была, в основном, прусской по происхождению».

Готовя новую войну, американские империалисты стремятся полностью использовать не только возрожденный западногерманский вермахт, но и военный опыт одной из важнейших преступных организаций немецкого милитаризма — германского генерального штаба.

Конгресс Божьих

Помните, несколько лет тому назад в Се-
вельских сотнях
районной сберкассы
избавили одну бо-
льшую старушку от
шантажа со стороны
нечистой силы. Дело
в том, что муж стару-
шки скончался, и его
вклад был перечислен
на ее имя. Вскоре после
похорон в проживавшей
одиноко вдове поздно
ночью явился черт.

— Вы бабуса, не волнуйтесь, — произнес он, азгантно повливая хвостом, — я ничего плохого вам не сделаю. Тихон Ефимович очень кланялся и просил его не забывать. Находите он у нас в аду за свои грешки, и грозит ему большие неприятности... Сами понимаете, ах — не са-наторий. Вот он и просит вас раскошелиться, надо кое-кому в аду ватку сунуть. Одним словом, нужны три тысячи...

С перепугу старушка даже не потребо-вала у черта документов, удостоверяющих его бесовскую личность и соответствующие полномочия. Ее убедил то, что черт имел положенные по форме рога и хвост, был черен, как сажа, и явственно понахивал серой. Короче говоря, старушка решила помочь покойному мужу. На следующий день она получила в сберкассе три тысячи рублей и ночью вручила их черту.

Однако исцалы ада не оставили в покое Тихона Ефимовича и его вдову. Через десять дней они вновь командировали своего коллегу за очередной мздой, а еще через десять дней представитель ада явился в третий раз. Несчастная старушка, оказавшаяся в лапах нечистой силы, опять пошла в сберкассу, где, выписав чек, разрыдалась. Сотрудники сберкассы, много лет знавшие старушку, стали допытываться, в чем дело. Старушка поведала им свое горе, сетуя на неутолимую алчность черта.

Девушки позвонили в милицию, и ночью, когда черт явился за деньгами, его задержали. С него сняли маску, рога и хвост, после чего он оказался обыкновенным мошенником. Проживая по соседству со старушкой и прослышав, что после смерти мужа у нее остались кое-какие сбережения, он решил ими завладеть. Жулика арестовали и осудили.

Нам вспоминался этот случай в связи с пятым международным конгрессом радиотехников, который недавно с большим шумом был проведен в Париже. Правда, наивному черту из Сокольников далеко до его парижских коллег!.. Подумавшись, победа: найдя допотопную старушку и выманив у нее несколько тысяч!..

Иное дело на конгрессе. Во-первых, международные масштабы — сюда съехались представители пятнадцати стран! В общей сложности пятсот участников. Во-вторых, печать освещала заседания конгресса и выступления его участников.

Председательствовал distinguishedissime Габриэль Лесур. Рядом с ним блистали своим присутствием такие крупные авторитеты, как Мишель Муан, главный редактор журнала радиотехников (есть, оказывается, такой журнал), Альфред Ламбер, директор «дома радиотехники» (есть, оказывается, и такой «дом»), госпожа Андра Бессон, доктор неведомых наук, и многие, многие другие...

Предвидим недоуменные вопросы читателей:

— Какая радиотехника, какие радиотехники, что это за конгресс?

Не будучи компетентным в оккультных, черной магии и теологии, ответу на эти законные вопросы выдержавших из ряда статей, опубликованных в прессе.

Буржуазный журнал «Пуэн де вю Имаж де Мон» посетил радиотехнист большой иллюстрированный очерк. В центре очерка — огромное фото, на котором изображены «отец радиотехники», его предпобеда Эдуард Мерз и «знаменитый» радиотехник Эдуард Бранли. По заметкам указано, что Бранли «был посвящен в искусство маятника знаменитым аббатом Мерзом».

Журнал с явным сокрушением констатирует, что «радиотехника в глазах официальной науки все еще остается сомнительной», и зволнованно вызывает: «Хотелось бы, чтобы истинные ученые согласились без предубеждения изучить поближе результаты, полученные радиотехниками, достойными этого звания».

Мадонна по-боннски

Любитель живописи, скульптуры, графики, приехавший в эти дни в Мюнхен, первым делом захочет посетить широко рекламирующуюся «Большую мюнхенскую художественную выставку 1954 года». Выставка расположена, как ей и подобает, в «Доме немецкого искусства», в здании несколько мрачного вида, выдержанном в духе архитектуры нацистского периода.

Велико же будет изумление посетителя, когда, войдя в вестибюль здания, он вдруг заметит висящий в помещении звездно-полосатый американский флаг. «Нет, я не туда попал», — быстро решает про себя посетитель искусства и поспешно выходит на улицу. Перед входом надпись: «Дом немецкого искусства» и далее по-английски, что вносит ясность в обстановку: «Офицерский клуб». Теперь все становится понятным. Выставка расположена в помещении, куда можно попасть лишь через боковые двери.

Несмотря на то, что здесь представлены работы нескольких групп западногерманских художников и скульпторов, во всех них есть нечто общее. Это различные «измы», произносящие реакционное западноевропейское искусство на протяжении последних 50 лет. Общим для характеристики показан-

Давайте же и мы без всякого предубеждения познакомятся с этими «результатами».

Вот свидетельство прогрессивной французской газеты «Либерасьон». Разоблачая шарлатанские трюки радиотехников, газета рассказывает, что они «орудуют палочкой или маятником». Радиотехники утверждают, что таким образом «можно устанавливать диагноз и находить эффективные методы лечения; можно напасть на след преступника и обнаружить его. Короче, можно искать и находить что угодно, где угодно и когда угодно... Выводы и заключения при радиотехнических исследованиях делаются на основании того, как реагирует палочка или маятник, которые радиотехники держат в руке: опускается палочка или поднимается...»

Газета «Либерасьон» констатирует, что «радиотехника встречает решительное противодействие со стороны многих представителей научного мира». Характерно, что и на самом конгрессе этих шарлатанов обнаружился серьезные расхождения по вопросу о сути этой новой «духовной науки». Так, радиотехник Бушакур утверждает, что радиотехника «не что иное, как ангельский дар, несравненно превосходящий какую бы то ни было материю». Вот тут-то и обнаруживается все превосходство господина Бушакура над чертом из Сокольников, который отнюдь не помышлял об ангельских чинах, а рекомендовался радывым чертом!

Радиотехник Ошер, судя по всему, более осторожный человек и оговаривает, что «не знает, какова природа радиотехнических явлений». Не знает, да и только!

Но интересно другое. «Либерасьон» сообщает, что особенную заинтересованность в этом деле проявляют представители духовенства.

Вот где, оказывается, собака зарыта! Можно не сомневаться, что духовные отцы действуют, как всегда, с благословения Ватикана, не смущаясь даже тем фактом, что, как свидетельствует «Либерасьон», «радиотехники являются виновниками гибели тысяч больных».

Вот один из примеров «деятельности» радиотехников, приведенный журналом. По словам журнала, видная радиотехника мадам Маргарита Жилло при помощи маятника излечила безнадежную душевнобольную. Как утверждает мадам, ей удалось установить, что причиной заболевания являлась «радиация покойника», оказавшаяся «радиацией» умершего брата большой, скончавшегося свыше десяти лет назад. Приводим выдержку из сообщения мадам Жилло, которое, несомненно, сделает переворот в современной психиатрии:

«Почему вы так неласковы с братишкой? — внезапно спросила ее я. Она прыскала и поглядела на меня уже осмысленным взором. Дело было сделано. Психический shock лучше электрошока перебрисал меж между внешним миром и этой душой, окруженной эзотерическим миром, благодаря явственно присутствию радиации покойника, которое ничто, кроме маятника, не могло устранить».

Браво, мадам Жилло! Браво, редакция «Пуэн де вю Имаж де Мон». Черт из Сокольников, по сравнению с мадам Жилло, выглядит, как невежда и щенок, не говоря уже о том, что, возможно, уже отбыл наказание и теперь и слышать не хочет о нечистой силе.

Как сообщает Пьер Портье, разоблачающий шарлатанов на страницах «Либерасьон», общее число радиотехников исчисляется в несколько тысяч. Стараясь увеличить их ряды, духовные отцы активно включились в эту «организацию» и возглавили ее. Здесь они продолжают свою работу по основной специальности — оболваниванию простодушных людей. Они с трепетом наблюдают за тем, как из года в год в капиталистических странах падает влияние католических партий. Шесть лет назад, как известно, в городе Ассизи при парламентских выборах в Италию шарлатаны выставили статую боготомы, проливавшую на глаза обомлевшей толпы горячие слезы. Радиотехника относится к тем же самым изощренным средствам обмана.

И вот на международных конгрессах радиотехников католические аббаты, международные мошенники и выжившие из ума психопатки воинственно размахивают волшебными «палочками» и «маятниками» и безнаказанно обманывают людей...

уход на выставке работ является уходом от активной жизни, от реальной природы, искажение действительности награможде никому не понятных конструкций. Даже буржуазная пресса, пытающаяся обычно найти какой-то «эстетический смысл» в «молчаливых» бессознательных и безидейных произведениях, не смогла умолчать о полной безрадостности, господствующей на выставке.

Скульптура, выставленная в Мюнхене и изображенная на нашем снимке, поставит в тупик кого угодно. Трудно решить, что же это такое: сломанный подсвечник или урна для мусора? Оказывается, наши предположения неверны. Это «Мадонна 1954 года», «творение» Ганса Штанга. Ничего, кроме чувства омерзения и возмущения за истинное искусство, не вызывает этот оброчек у каждого цивилизованного человека, знакомого с Сикстинской Мадонной Рафаэля, изображением Мадонны Рубенса, Дюрера, Микеланджело.

Глядя на эту «Мадонну 1954 года», трудно понять, что же создатель поклоняется ли боту наживы и рекламы — доллар. Куль этого «божества» разделяют с ним и устроители выставки и их покровители.

Главный редактор Б. ЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕВЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.